

Секретный агент Багира

Марина Серова

Ночной стрелок

«Научная книга»

Серова М. С.

Ночной стрелок / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Секретный агент Багира)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марина Серова

Ночной стрелок

ГЛАВА 1

«Мерседес» остановился у железных ворот и коротко просигналил. Гудок был особенный – привратник сразу узнал его и пропустил машину во двор. «Мерседес» подкатил к широкому мраморному крыльцу и затормозил. Человек, сидевший на заднем сиденье, тронул ручку дверцы и, сказав шоферу: «На сегодня все – свободен!», вышел из машины.

Он некоторое время постоял у крыльца, наблюдая, как «Мерседес» огибает двухэтажный особняк, чтобы спуститься в подземный гараж, а потом медленной усталой походкой начал подниматься по ступеням.

Двор был невелик и пуст – украшали его лишь две ухоженные клумбы перед фасадом с яркими цветами. Зато от прочего мира его отделял высокий надежный забор – многие даже не догадывались, что здесь, в центре города, стоит прекрасный двухэтажный особняк, принадлежавший Беднову Андрею Борисовичу. Хотя сам Беднов был известной личностью – крупный предприниматель, щедрый меценат, член правления самого солидного банка в городе и едва ли не влиятельнейший человек в деловом мире.

Беднов вошел в просторный вестибюль. Сквозь стеклянную стену была видна пышная зелень зимнего сада. Красивые лампы под высоким потолком заливали помещение уютным золотистым светом.

Никто хозяина не встречал, и это Беднова очень устраивало – после долгого напряженного дня он не хотел никого видеть. Раньше в вестибюле сидел охранник, но потом Беднов убрал его – с охранником дом казался ему похожим на казарму. Теперь, кроме привратника, который сидел в небольшом домике у ворот, никакой охраны в доме не было. Но, во-первых, вокруг была крепостная стена, а во-вторых, Беднов не верил, что есть в городе человек, который рискнул бы сунуться на его территорию.

Наверху у лестницы появилась Ангелина Ивановна – она ведала всеми делами по дому, нанимала и рассчитывала прислугу и следила за тем, чтобы хозяину не о чем было заботиться, когда он возвращался в родные стены.

– Добрый вечер, Андрей Борисович! – сказала она почтительно. – Ужинать будете? – Несмотря на свой совсем не молодой возраст, Ангелина Ивановна выглядела очень недурно – уложенные платиновые волосы, гордая осанка, минимум косметики и черный брючный костюм на все еще стройной фигуре – со спины ее можно было принять за тридцатилетнюю.

– Ужинать? Нет... – устало сказал Беднов и распорядился: – Пусть мне принесут кофе и почту! Я буду в кабинете...

– Почта уже у вас на столе, – сообщила Ангелина Ивановна. – А кофе сейчас будет. С Трофимом, Андрей Борисович, сегодня не пойдете?

Беднов задумался и потом решительно кивнул головой.

– Пойду обязательно! Вот только посмотрю почту...

Трофим был рыже-пегим сенбернаром довольно почтенного возраста, который еще щенком был куплен для сына Бориса. С матерью своего первенца Беднов пять лет как разошелся, Борис два года назад уехал учиться в далекую Англию, а сенбернар остался с Андреем Борисовичем, которого Трофим любил беззаветно преданной собачьей любовью. И сам Беднов привык к псу – иногда он думал даже, что на всем свете у него нет более близкого и бескорыстного существа, чем Трофим. По вечерам он всегда старался сам выгуливать его по тихим окрестным улочкам.

Андрей Борисович хотел сразу пройти в свой кабинет, но, поколебавшись, завернул все-таки в комнату жены. Он вошел неслышно и с минуту смотрел с порога на свою прекрасную молодую жену – в белом шелковом халате она сидела перед туалетным столиком и задумчиво расчесывала свои длинные золотистые волосы. Она была очень красива, умна и, наверное, могла считаться образцовой женой для крупного бизнесмена, но Беднов, глядя на нее, думал о том, что поторопился с женитьбой. В сущности, он никогда не был в эту женщину влюблен, но, расставшись пять лет назад с первой женой и желая ей что-то доказать, скоропалительно женился на победительнице городского конкурса красоты, 22-летней золотоволосой девушке по имени Наталья. Поступок был вдвойне глупым, потому что свою первую жену Беднов презирал и не понимал, зачем ему понадобилось что-то ей доказывать. Но теперь хода назад не было – его связывал по рукам и ногам ребенок, Наталья-младшая, которую он безумно любил, с ней он не расстался бы ни за что на свете.

Он неслышно подошел к жене сбоку, наклонился и поцеловал в щеку. Она вздрогнула, обернулась и залилась краской.

– Как ты меня напугал! – недовольно сказала она. – Почему ты всегда стараешься застать меня врасплох? – Ее большие синие глаза сделались колючими и сердитыми.

– Здравствуй, Наташа! – ровным голосом произнес Беднов. – Извини. Такая привычка. Я всех стараюсь застать врасплох. А где маленькая?

– Я ее уложила, – сказала жена уже более мягким голосом. – Она устала. Мы ездили сегодня на пляж. Боюсь, она слишком много была на солнце...

– Я же тебя просил, – с недовольством заметил Беднов, – не возить девочку в такие места... Это слишком опасно.

– С нами был Виталий, – объяснила жена. – На пляже почти никого и не было.

– Все равно, – сумрачно сказал Беднов. – Вы вполне могли бы поехать в загородный дом и купаться в бассейне сколько угодно.

– Иногда хочется побыть среди людей, – с некоторым вызовом ответила жена. – И девочке это полезно, ты не находишь?

– Если с Наташкой что-то случится... – как бы про себя сказал Беднов, кладя на плечи жены свои тяжелые ладони. – Я никогда этого не прошу!

Наталья-старшая выпрямила спину, пытаясь преодолеть тяжесть, давившую ей на плечи, и горько сказала:

– Ну, разумеется! Ты! Здесь все принадлежит тебе и крутится вокруг тебя! Ты, наверное, забыл, что детей приносит не аист и я – мать? Это мой ребенок, понимаешь?

Беднов убрал руки и несколько секунд рассматривал отражение жены в зеркале.

– Я все понимаю, – сказал он наконец. – Но здесь, действительно, все принадлежит мне. И этого не стоит забывать...

Он повернулся и вышел из спальни жены, не дожидаясь, ответит она или нет. Еще осторожнее он прокрался в спальню дочери и, не потревожив ее сна, ласково погладил разметавшиеся по подушке золотистые, как у матери, волосы.

Ангелина Ивановна исподволь, но неусыпно наблюдавшая за его перемещениями по дому, как всегда оказалась на высоте, и, когда Беднов добрался до кабинета, кофе был подан – свежий и горячий.

Сенбернар Трофим, уже давно учуявший присутствие хозяина, пришел в волнение и, поднявшись во весь свой гренадерский рост, положил лапы ему на грудь и лизнул в нос. Андрей Борисович потрепал его по загривку и устало опустил в кресло.

– Сейчас, Трофим! – сказал он. – Кофе выпью, и пойдем, прогуляемся... Ты ищи ошейник!..

Беднов нажал на кнопку автоответчика. Сначала зашуршала пленка, а потом зазвучали разные голоса тех, кто пытался днем разыскать его по этому номеру. Ничего примечательного

не было – напомнил о себе старый партнер, с которым Беднов прервал деловые отношения ввиду неаккуратности и необязательности этого человека – теперь он пытался предложить какую-то сделку. Беднов пропустил его деловую скороговорку мимо ушей. Затем позвонил директор детского дома, каким-то чудом раздобывший его номер, и сбивчивым голосом умолял помочь с ремонтом. По-видимому, ему не удалось застать Беднова в офисе. «Надо как-нибудь туда заехать, – лениво подумал Андрей Борисович, – посмотреть, чем там можно помочь». Следующий звонок был из муниципального собрания – звонил дружок, депутат, и приглашал в воскресенье на шашлыки. «Этому что-то нужно, но поехать придется, – решил Беднов, – мне тоже кое-что надо».

А потом он услышал чей-то неприветливый и совершенно незнакомый голос, который торопливо произнес: «Беднов?» – и замолк. Затем он снова заговорил, но произнес всего одну фразу: «Ладно, Беднов, я только хочу спросить – помнишь ли ты дни золотые?» – и после короткой паузы положил трубку.

Андрей Борисович невольно замер и поставил на стол уже поднесенную к губам чашку. Он немедленно прокрутил пленку назад и еще раз выслушал идиотский вопрос. На лбу его появилась озабоченная складка. Этот голос точно не был ему знаком, но Беднов сразу понял, что тут что-то не так.

Он уже давно крутился в бизнесе, знал все его тонкости и ловушки и шкурой чувствовал опасность. Именно ее он чувствовал и сейчас, хотя и не мог себе объяснить, откуда это ощущение. У него было полно врагов, но всех он держал в кулаке, давно и прочно, и пуще всего на свете эти люди боялись показать себя его врагами. Никто в этом городе не рискнет становиться у него на пути, а тем более донимать дурацкими звонками.

И вообще, случайный идиот никак не сумел бы позвонить сюда. Домашнего телефона нет в справочнике. Розыгрыш Беднов отметал сразу – розыгрышей он не переносил, и все друзья знали об этом твердо.

И тем не менее кто-то позвонил ему, Беднову, и спросил, помнит ли он дни золотые. Ему есть что вспомнить, но дней, которые можно было бы с чистой совестью назвать золотыми, в его жизни было совсем немного. Ясно, что не о них шла речь. Звонивший вкладывал в свои слова определенный тайный смысл, надеясь, что Беднов без труда разгадает его.

Андрей Борисович неприязненно посмотрел на телефон, потом вытащил из автоответчика кассету, бросил ее в ящик стола и запер ящик на ключ. На его совести было чересчур много такого, о чем не хотелось вспоминать, а тем более догадываться.

Подошел Трофим и, напоминая о себе, положил хозяину на колени лобастую голову. Беднов рассеянно провел ладонью по теплой собачьей шкуре и сказал:

– Да, Трофим, пора! Сейчас идем...

Пес метнулся в сторону и поднес в зубах широкий кожаный ошейник с золоченой пряжкой. Андрей Борисович обернул ремень вокруг мощной собачьей шеи, пристегнул поводок.

– Ну, вот, зверюга, – сказал он с грубоватой нежностью. – Пойдем теперь, обойдем границу...

Утром и днем с псом гуляла прислуга, но вечерние прогулки с хозяином Трофим любил больше всего. Ходили они всегда по одному и тому же маршруту – описывали восьмерку вокруг двух прилежащих кварталов и возвращались домой. Охраны с собой Беднов никогда не брал, справедливо полагая, что от киллера никакая охрана не спасет, а от случайной шпаны он сам в состоянии себя защитить. Да и вряд ли кто-то захочет связываться с крепким мужчиной, который ведет на поводке огромного пса без намордника. По крайней мере до сих пор такого любителя не находилось.

Они вышли из дома – оба солидные и неторопливые – пес и мужчина. Размеренно дошагали до железных ворот, где охранник Володя не преминул загодя выскочить из своей будки,

чтобы заботливо осведомиться: «Гулять отправились, Андрей Борисович?», хотя это было очевидно.

– Надо! Надо обойти на ночь границы, – добродушно ответил Беднов. Это была его обычная шутка.

– Трофим! Утю-тю! – льстиво сказал Володя и побежал открывать ворота.

Беднов с собакой вышли в переулок. Яркий фонарь заливал светом все пространство у въезда во двор. Остальная часть улицы, где стояли одно-двухэтажные дома старой постройки, была погружена во тьму. Лишь тускло светились кое-где окна.

Два дома напротив вообще были без окон – вместо них зияли черные провалы. Лисицын, основной партнер Беднова по бизнесу и его хороший приятель, откупил эту территорию и собирался возводить здесь особняк. Он ни в чем не хотел отставать от своего босса. Дома доживали свои последние дни.

Беднов повернул налево и не спеша побрел по полутемной улице, останавливаясь всякий раз, когда Трофиму приходила в его лобастую голову мысль задрать лапу возле какого-нибудь дерева. Таким образом дошли до угла и повернули направо.

Здесь чаще стали попадаться прохожие, иногда – шумные ватаги подростков, изнывающих от скуки. Завидя такую компанию, Андрей Борисович слегка морщился. Хрипатые, неуправляемые тинейджеры, без устали смолящие сигареты и сыпавшие отборной бранью, с некоторых пор стали очень сильно раздражать его. Он мечтал о том времени, когда все центральные кварталы перейдут в собственность и распоряжение солидных людей, и тогда вся эта рвань вынуждена будет переместиться туда, где ей и положено быть, – на окраины. Но подростки тревожили Беднова только теоретически. Едва он приближался, матерная ругань стихала, парни расступались и только провожали Трофима уважительными взглядами. Они ценили силу и уверенность.

Дошли наконец до самого дальнего участка «границы» – до шумного, залитого огнями проспекта, где взад-вперед проносились машины, мигали светофоры и гуляли нарядно одетые парочки. Трофим вел себя здесь с замечательным достоинством и даже не уделял своего внимания деревьям.

Обошли квартал и отправились обратно, сразу попав из мира огней в мягкий сумрак, где в тишине шелестели старые раскидистые вязы, а за голубыми окнами звучала назойливая музыка телевизионных реклам. Мысли Беднова невольно возвращались к странному телефонному звонку, но он гнал их от себя потому что эта вечерняя прогулка с собакой была его единственной отдушиной в суматошной жестокой жизни, и он не хотел жертвовать ни минутой так редко выпадающего ему покоя.

Чтобы отвлечься, он наклонился и потрепал пса по загривку.

– Эх, Трофим-Трофим! – сказал он с необычным для него теплом в голосе. – Хорошая ты псина!

Трофим оборотил на хозяина печальные глаза и завилял хвостом.

Они стояли на освещенном перекрестке. Им оставалось пройти еще квартал, повернуть направо, и прогулка закончена. Но Андрею Борисовичу не хотелось возвращаться домой, и он подумал, не побродить ли с псом еще минут двадцать, а может быть, и дойти до набережной – подышать свежим ветром, веющим от реки?

Но он опять вспомнил про звонок и решил, что на набережную сходит завтра, а сегодня еще свяжется кое с кем и попытается разобраться с этими «днями золотыми». Он решительно зашагал через перекресток.

Пес, почувствовав настроение хозяина, тоже прибавил шаг. Последний отрезок они преодолели быстро. Обычно здесь они как раз шли не торопясь, невольно стараясь оттянуть момент возвращения. Если бы Андрей Борисович знал, что ждет его за углом, он и сегодня не стал бы торопиться.

Дойдя до конца квартала, он стал пересекать мостовую под острым углом, держа курс на ворота своего дома. Мысли его окончательно сосредоточились на загадочном звонке. Он шел, наклонив голову и хмурия озабоченно лоб. Пес послушно трусил рядом.

Вдруг в ночном воздухе возник короткий странный звук, похожий на шуршание. Потом раздался глухой хлопок и отчаянный собачий визг. Огромный Трофим отпрянул в сторону и волчком закрутился на месте, наматывая на шею поводок.

Беднов поспешно разжал пальцы и в ужасе уставился на пса. Визг оборвался, и Трофим рухнул на бок. Лапы его подергивались, замирая.

Беднов, холодея, опустился перед псом на колени и обеими руками схватил его тяжелую круглую голову. В правой глазнице Трофима торчал твердый гладкий стержень. Глаз превратился в кровавое месиво. Пес был мертв.

Андрей Борисович осторожно опустил лохматую голову пса на асфальт и, не понимая, зачем это делает, попытался извлечь стержень из глазницы. Тот не подавался, видимо, засев очень глубоко. На ощупь это была пластмасса, очень прочная и гибкая.

Беднов порывисто вскочил и оглядел улицу. Кругом было пусто. Труп собаки лежал на самой границе освещенного участка. Дальше царила тьма. Не помня себя от ярости, Беднов бросился к ближайшему брошенному дому и с разбегу вскочил на подоконник первого этажа. Стук его каблуков отозвался эхом в пустом помещении. Он спрыгнул вниз и, не таясь, принялся обшаривать все углы. Потом выбежал в коридор. Из-под ног его шарахнулась невидимая кошка. Беднов выругался и пинком открыл дверь следующей комнаты. Там тоже было пусто.

Вскоре он понял, что все его поиски напрасны, и опять через окно вылез на улицу. Его четвероногий друг по-прежнему лежал в круге света. Только вокруг головы его образовалась теперь лужица темной крови. Беднов перебежал на противоположный тротуар и забарабанил в железные ворота. Удивленный этим обстоятельством, охранник Володя выглянул в смотровое окошечко.

– Да открывай же, мать твою! – простонал Андрей Борисович.

Перепуганный Володя побежал открывать, а заодно прихватил с собой помповое ружье, с которым не расставался на посту. С ружьем в руках он выскочил навстречу хозяину.

– Что случилось, Андрей Борисович? – тревожно спросил он.

– Трофима... убили... – прохрипел Беднов, беспомощно оглядываясь. – Какая-то сука... Из лука или черт его знает... Вызывай ментов срочно!

– Может, мы сами? – деловито предложил Володя, зорко оглядывая улицу.

– Что сами?! – прорычал Беднов. – Где ты его сам искать будешь? Район оцепить надо!..

Вдруг он осекся, пошатнулся и медленно сел на тротуар.

– Что с вами, Андрей Борисович? – испугался Володя. – Может, врача лучше?

– Ничего-ничего, – глухим, но спокойным голосом ответил Беднов. – Никого не надо. Ни врача, ни милиции... Мне просто подумать надо, сосредоточиться...

Он внезапно понял, что это не глупая случайность, не жестокость обкурившегося подростка – это продолжение того самого вопроса, помнит ли он дни золотые. Ему намекают, что вспомнить нужно обязательно. Милиция здесь ни к чему – мало ли что придет ему на память. Придется разбираться самому.

– Пойдем, поможешь внести Трофима! – сказал он, вставая. – Не тут же его оставлять...

Они подошли к неподвижному телу собаки. Володя наклонился и удивленно присвистнул.

– Ничего себе, засадил! – сказал он с невольным уважением. – Я бы на вашем месте, Андрей Борисович, со света ушел. Неровен час – и вам достанется!

– Не достанется, – уверенно сказал Беднов. – Здесь уже нет никого.

– Вы как шли, когда это случилось? – поинтересовался Володя.

Беднов показал как. Володя осмотрелся и авторитетно сказал:

– Значит, с того угла стреляли – из-за дерева скорее всего. Можно пойти посмотреть – не осталось ли следов?

– Это что же – чемпион сюда пришел на ночь глядя? – хмуро буркнул Беднов. – Тут не менее полста метров. С такого расстояния я из лука в корову не попаду!

– Вы не попадете, – согласился Володя. – И я не попаду. А умелый человек со ста метров из арбалета курицу сделает. Здесь наверняка арбалет был – стрела без оперения, да и арбалет не такой громоздкий. Бывают и складные... Эх, жаль Трофима! Какой же это гад на него руку поднял?.. Пойду я, посмотрю все-таки!

Он убежал, но очень скоро вернулся, слегка запыхавшись.

– Не-а! Ничего! – сообщил он. – Ушел, гад!

– Ладно, берем собаку! – сурово сказал Беднов. – Утро вечера мудренее...

Они с трудом затащили тяжелую тушу во двор и положили на асфальт.

– Ты вот что, Володя, – сказал Беднов, кладя руку на плечо парня. – Там у забора участок незаасфальтированный есть... Вырой могилку! Я потом туда камень закажу. А тебе – премиальные...

– Да вы что, Андрей Борисович! – возмутился Володя. – Да я нашего Трофима без всяких премиальных похороню! Собаки, они, Андрей Борисович, самые безгрешные существа на свете! Мнение у меня такое...

– Ну, спасибо тебе, – негромко сказал Беднов. – Только тогда уж еще просьба к тебе будет... Стрелу эту сучью достань и мне в кабинет принеси, ладно?

– Будет сделано! – ответил Володя.

Беднов присел возле собаки и в последний раз погладил лобастую крепкую голову.

– Ну, прощай! – сказал он, поднялся и быстро зашагал к дому.

ГЛАВА 2

– Сегодня же выедешь автобусом и на станции Зацепинская дождешься московского поезда, – сказал генерал Суров. – Сядешь в первый вагон, в первое купе. Там тебя будут ждать. Получишь соответствующие документы. В Тарасове тебя встретит заказчик. Результаты расследования и его ход должны постоянно быть у меня на контроле. Все уяснила? Тогда действуй!

Я покинула генерала со смешанным чувством энтузиазма и неудовлетворенности. С одной стороны, я уже довольно давно сидела без дела и это задание пришлось как нельзя кстати. Но, с другой стороны, что это было за задание!

Мне, Юлии Сергеевне Максимовой, секретному агенту специального отдела по борьбе с терроризмом, поручено дело об убийстве собаки! Согласитесь, звучит немного издевательски, особенно если учесть, что моя кличка – Багира. Правда, мой начальник генерал Суров абсолютно не склонен к розыгрышам, подначкам и прочему юмору. К тому же то, что он самолично прилетел в Тарасов, уже о чем-то говорило. Поэтому и мне пришлось отнестись к этому заданию крайне серьезно. Но обо всем по порядку.

Вызвал меня генерал к себе, и первое, о чем он меня спросил, было:

– Тебе что-нибудь говорит имя: Беднов Андрей Борисович?

– Говорит, – согласилась я. – Известная личность. Если охарактеризовать его одним словом, получится – богатей.

– А если не одним? – строго спросил генерал.

– Ну-у, кажется, он не ходил в наших клиентах... Формально чист, хотя, по слухам, с конкурентами очень крут. Но старается держаться в рамках правил. Если и совершал что-то криминальное, то через третьи руки и сам практически неуязвим. Разумеется, тотальная проверка его деятельности выявила бы многое, но кто этим будет заниматься? Он один из самых уважаемых жителей города... А что он натворил?

– Дело в том, что он ничего не натворил, – медленно сказал Суров. – Ты правильно сказала, Беднов входит в элиту города, он вне подозрений. Но, оказывается, не для всех... Вчера вечером, во время прогулки, у него убили собаку. Выстрелом из лука или арбалета. Кто это сделал, он не видел. Теперь вопрос: как поступила бы ты на его месте?

Я пожала плечами.

– Откровенно скажу, не знаю. У меня нет собаки. Но, наверное, расстроилась бы...

– Понимаю, что расстроилась бы! – сердито сказал генерал. – Меня интересует, стала бы ты разыскивать злодея и каким образом?

– По-моему, это искать иголку в стоге сена, – ответила я. – Ведь это мог оказаться случайный шутник. Вряд ли...

– А вот Беднов стал! – строго произнес Суров. – Более того, он не обратился в местную милицию, а этой же ночью позвонил в Москву, в частное сыскное агентство Попова – у него очень хорошая репутация – и попросил прислать к нему агента поросто – ропнее.

– Любопытно, – пробормотала я.

– Это еще не самое интересное! – сердито сверкнул на меня глазами генерал. – Попов, между нами, сотрудничает с органами – и очень плотно. Все его заказы становятся достоянием спецслужб сразу же по мере их поступления. Конечно, девяносто девять процентов оставляются ими без внимания. Но! Просьба тарасовского предпринимателя Беднова найти убийцу его собаки немедленно заинтересовала – кого ты думаешь? – отдел контрразведки ГРУ!

Я не смогла сдержать удивления:

– ГРУ? Собака?

– Они тут же связались со мной и потребовали заняться делом Беднова. Полагаю, что ты для этого подходишь лучше всего. Но это строго секретно! Если ты находишь убийцу собаки,

то прежде всего об этом должно быть известно мне. А уже в Москве решат, сообщать его имя Беднову или нет.

– Чем они это объясняют? – поинтересовалась я. – В чем таком замешан Беднов?

– А ничем не объясняют, – хмуро сказал Суров. – Эта публика предпочитает помалкивать, ты знаешь. Кое-что я собрал о Беднове по своим каналам – немного. До перестройки он работал завхозом в московском НИИ радиоэлектроники. В году восемьдесят третьем в институте случился пожар, и Беднов сел на пару лет за преступную халатность. В восемьдесят пятом вышел из тюрьмы и приехал в Тарасов, где успешно занялся бизнесом. Вот, пожалуй, и все.

– Что за НИИ? – спросила я.

– Подробной информации у меня нет, – с неудовольствием заметил Суров. – На первый взгляд обычная халявная структура застойного периода. В восемьдесят шестом году был расформирован за ненадобностью. Военная наука начала в ту пору быстро хиреть, и этот институт был одной из первых ласточек... Я просил контрразведчиков дать мне более конкретную информацию. Мне корректно ответили, что такая возможность будет рассмотрена... Больше я тебе ничем помочь не могу. Действуй по своему усмотрению.

– Насколько я понимаю, – заметила я, – мне придется исполнять роль частного детектива из агентства господина Попова?

– Ты правильно понимаешь, – кивнул головой генерал. – Вероятно, Беднов предложит тебе немаленький гонорар, но ты не обращай на него внимания. Деньги на накладные расходы ты получишь прямо сейчас и отрабатывать будешь именно их.

– Это я уже поняла, – сказала я. – Хотелось бы побольше знать о Беднове...

– Вот и узнавай! – непреклонно заявил генерал. – Для того я тебя и вызвал. Если поступит какая-то дополнительная информация, она сразу же будет в твоём распоряжении, не сомневайся. А пока рассчитывать тебе придется только на откровенность самого Беднова... – он помолчал и добавил: – Впрочем, завтра ты встретишься с представителем контрразведки. Возможно, он сообщит тебе что-то такое, что не решился сказать мне. Но это, как ты понимаешь, вряд ли...

Мы уточнили еще некоторые мелкие детали, я получила деньги на расходы и отправилась готовиться к выполнению задания. Как за него взяться, я пока не знала – все это выглядело как чья-то неумная шутка, – оставалось надеяться, что утро вечера мудренее.

ГЛАВА 3

До узловой станции Зацепинская пришлось выехать последним вечерним автобусом и ночь провести на неудобном грязном вокзале под грохот колес и галдеж селектора. Тем не менее мне удалось даже чуть-чуть вздремнуть, а утром привести себя в относительный порядок в привокзальном туалете. Больших удобств на этом вокзале не было предусмотрено.

Ранним утром я вышла на перрон и до прихода поезда еще успела полюбоваться рассветом, который, правду сказать, на фоне товарных составов и стальных мачт выглядел не так уж поэтично.

Поезд стоял здесь две минуты, и меня уже ждали. В тамбуре я увидела высокого, с интеллигентным лицом мужчину в синем костюме. Заметив меня на перроне, он повелительным жестом махнул рукой. Мне это не слишком понравилось, но я не стала капризничать.

Мужчина молча провел меня в двухместное купе, усадил и только тогда представился: «Макаров!» После такого лаконичного вступления он открыл свой «дипломат» и протянул мне бумаги на имя Юлии Николаевны Красновой. Здесь были паспорт, удостоверение сотрудника частного детективного агентства и рекомендательное письмо от главы этого агентства Попова, где он расписывал клиенту мои деловые качества и железную хватку.

– Нас интересует, кто это сделал и почему, – монотонно сказал Макаров, глядя на какую-то точку повыше моей головы. – Фамилия. Местонахождение. Все сведения передаете нам через Сурова. Ваш так называемый клиент Беднов никакой информации об этом получать не должен. Учтите, это дело государственной важности!

– О собаке?! – позволила я себе некоторую вольность.

– Простите, что вы сказали? – холодно произнес Макаров, концентрируя на мне взгляд.

– Просто хотелось бы иметь побольше информации о господине Беднове, – с очаровательной улыбкой ответила я.

– Кто же вам мешает собирать эту информацию? – невозмутимо проговорил Макаров. – Все в ваших руках...

По его интеллигентному лицу было видно, что из него-то мне не удастся вытянуть больше ни слова. Я, разумеется, не стала настаивать, чтобы не посеять в его холодной голове сомнений о моей профпригодности. Однако столь сугубая секретность показалась мне чрезмерной. Практически мне приходилось работать вслепую, тратя время на то, чтобы узнать вещи давно известные. Впрочем, может быть, в контрразведке надеялись на мои экстрасенсорные способности? Прежде я их за собой не замечала, но, кто знает, не проявятся ли они в экстремальных условиях?

Дальнейший путь мы проделали в полном молчании. Эта ситуация не вызывала у Макарова ни малейшей неловкости. До самого вокзала он не произнес ни слова, сохраняя на лице непроницаемо-конспиративное выражение. Это был разведчик до мозга костей.

Только когда поезд остановился у перрона, он негромко сказал:

– Выйдете первой! Мы с вами незнакомы. Держите связь с Суровым.

Воодушевленная таким ценным напутствием, я сошла на перрон и огляделась – теперь мне нужно было убедить окружающих, что в этом городе я впервые. Это было совсем не сложно, и очень скоро ко мне подошел молодой человек, по-модному невыбритый и пахнущий дорогим одеколоном. На нем был серый костюм из мягкой тонкой шерсти. Ослепительно улыбнувшись, он спросил:

– Вы не от агентства Попова? Очень рад! Меня зовут Петр. Пойдемте со мной, у меня машина...

Он взял мой небольшой чемоданчик и проводил меня до «Мерседеса», который ждал нас на стоянке у вокзала. Предупредительно распахнув передо мной дверцу, Петр усадил меня на заднее сиденье, а сам сел за руль и, обернувшись, сказал с улыбкой:

– Если не возражаете, мы сразу поедem к хозяину, ладно? А потом я отвезу вас, куда захотите. Хотя, скажу вам по секрету, Андрей Борисович надеется, что вы будете жить у него...

– Вот как? – сказала я. – Он боится оставаться один?

Петр аккуратно выехал со стоянки и, негромко рассмеявшись, ответил:

– Нет, просто так будет удобнее... Кстати, хозяин живет не один и, по-моему, ничего не боится...

– Однако же его взволновала смерть собаки! – напомнила я.

– Это да, – подтвердил Петр, нахмурившись. – Но только зря вы думаете, что он напугался. Просто он хочет найти эту тварь, которая убила Трофима. Это, я считаю, вообще беспредел... Ну, есть у тебя претензии – разбирайся, как мужчина. Собака-то тут при чем?!

– Вы полагаете, кто-то таким способом излагает свои претензии? – уточнила я.

– А что же еще? – уверенно сказал Петр. – Отомстили! Беднов – человек жесткий, это верно. Но бизнес вообще вещь жесткая, вы согласны?

– Да, – кивнула я. – Но, я думаю, ваш Беднов придерживается того же мнения. Почему же чужая жесткость его так возмутила?

– Ну-у, странно вы говорите, – с некоторым удивлением заметил Петр. – Тут кто кого – понимаете?

– Понимаю, – согласилась я. – Своими силами не пытались найти собачьего убийцу? Есть же у вашего хозяина служба безопасности, местные детективы, милиция, наконец...

– Что она может, эта милиция! – презрительно усмехнулся Петр. – А служба безопасности?.. Есть несколько человек, конечно... Только какие они сыскари! Так, видимость одна... Я вам так скажу – хозяин надеется только на себя! Он двуличный.

– А как он насчет денег? – поинтересовалась я. – Не скупой?

Петр опять рассмеялся.

– Думаю, если вы свое дело сделаете, он вас не обидит, он очень Трофима любил. Нет, скупым я бы его не назвал...

За таким приятным разговором мы проехали до самого центра города и свернули на тихую улочку. Еще один поворот, и «Мерседес» остановился напротив стальных ворот небольшого участка, огороженного высоким бетонным забором. Из-за забора выглядывала оцинкованная крыша двухэтажного особняка, резко контрастировавшего со старыми убогими домишками, которые составляли этот квартал.

– Вот здесь это все и случилось, – сообщил Петр, делая неопределенный жест рукой. – Хозяин уже шел домой с прогулки, а тут...

Он посигналил, и ворота разъехались. «Мерседес» подкатил к крыльцу. Петр живо выскочил из машины и распахнул мне дверцу. Пока я осматривалась, он достал мой чемодан.

– Наверное, чемодан не нужно, – остановила я его. – Все-таки я, пожалуй, выберу гостиницу...

– Как скажете! – пожал плечами Петр.

Беднов уже ждал меня. Услышав сигнал машины, он сам спустился вниз и встретил меня на крыльце. Он производил двойственное впечатление – высокий, крепкий, с грубоватыми чертами лица, он как бы являл собой воплощение мужественности и силы и, на первый взгляд, не лишен был некоторого обаяния, но потом становилось ясно, что жестокость и властность – это стиль его жизни, и обаяние – не более чем иллюзия.

– Здравствуйте! – сказал он, протягивая мне руку. – Как доехали? Завтракать будете?

– Здравствуйте! – ответила я. – Доехала хорошо, спасибо. От завтрака воздержусь. Давайте сразу о деле.

– Тогда прошу ко мне в кабинет! – кивнул Беднов и распахнул передо мной входную дверь.

В большом светлом холле нам навстречу попалась очень аккуратная пожилая женщина с платиновыми волосами и выражением необыкновенной важности на немолодом, но тщательно ухоженном лице.

– Распорядитесь, Ангелина Ивановна, пусть нам принесут кофе! – обронил Беднов, пропуская меня на лестницу, ведущую на второй этаж.

– Будет сделано! – наклонила голову женщина и исчезла.

– Хранительница моего очага, – полушутливо заметил Беднов, когда мы поднимались по лестнице. – Что-то вроде личного домоуправа...

– Вы не женаты? – спросила я.

– Отчего же – женат, – равнодушно сказал Беднов. – Даже повторно. Но хранительницей очага не без оснований считаю Ангелину Ивановну... Жены приходят и уходят, а верность хранят только собаки и некоторые слуги, не так ли?

– Боюсь, не могу быть судьей в данном вопросе, – вежливо ответила я. – У меня никогда не было ни жены, ни собаки, ни слуг...

– Вы – женщина с юмором, – коротко рассмеявшись, заметил Беднов. – Если деловые качества у вас на таком же уровне, это будет просто великолепно!

Мы прошли через светлый коридор, обтянутый серебристыми шелковыми обоями с тиснением и оказались в кабинете, обставленном дорогой, но отнюдь не вычурной мебелью.

– Присаживайтесь, где вам удобнее! – сказал Беднов.

Я предпочла сначала предъявить ему свои верительные грамоты, но Андрей Борисович решительным жестом отодвинул бумаги на край стола. Пожав плечами, я опустилась в широкое кожаное кресло. Беднов уселся напротив меня.

– Бумажки – туфта! – сказал он убежденно. – Я предпочитаю дела. Если вы не тянете, чего стоят все ваши бумажки?! Я сам без высшего образования и не верю, что глупому человеку поможет диплом. У человека должна быть хватка, эдакий мотор, который снабжает его энергией. Без него все ваши благие намерения так намерениями и остаются... Или, того хуже, превращаются просто в разочарования!

– Не скажу, что мне часто приходится разочаровываться, – серьезно заметила я. – Но я предпочитаю обходиться без мотора... Женщина с мотором – это, знаете, как-то не слишком изящно...

Беднов опять засмеялся.

– Ладно, я согласен примириться и с этим, – сказал он одобрительно, – если вы найдете того мерзавца, который убил мою собаку! Я эту подлость прощать не намерен!

– Расскажите, как это случилось, – попросила я.

– Случилось это неожиданно, точно снег на голову, – ответил Беднов. – Позавчера вечером я гулял с собакой. В десятом часу. Но, в принципе, район здесь тихий, гуляй хоть всю ночь... И вот, когда уже подходил к воротам, какой-то гад... Мне сначала показалось, что стреляли из заброшенного дома напротив, я побежал туда... Ну, и, конечно, этот мерзавец ушел.

– Вы всегда сами гуляете с собакой? – уточнила я.

– Стараюсь. Правда, это не всегда получается. Иногда я прихожу очень поздно. Конечно, это касается только вечерней прогулки. Утром и днем Трофима выгуливает Ангелина Ивановна... То есть выгуливала, – мрачно поправился он. – Больше он себя никому не доверял...

– Ангелина Ивановна живет здесь, в этом доме?

– Нет, у нее есть небольшая квартира на набережной, – ответил Беднов. – Но я понял ваш вопрос. Да, ей приходится задерживаться здесь допоздна, но, поверьте, она получает за это хорошие деньги... И, потом, это для нее второй дом – она работает у меня много лет...

– А, простите, кто еще живет в этом доме? – спросила я.

– Строго говоря, живу здесь я с женой и дочерью, – пояснил Беднов. – Остальные – приходящая прислуга. Я, знаете ли, не люблю, когда меня окружает много народа... Днем здесь повар, уборщица, охранник у ворот – постоянно... Но это же нельзя назвать живет, верно? Плюс Виталий – шофер и охранник моей жены.

– Никого из этих людей не подозреваете? – на всякий случай поинтересовалась я.

– Абсолютно! – отрезал Беднов. – Зачем им рубить сук, на котором они удобно и надежно сидят? И, потом, они знают, что если встанут у меня на пути – жизни в городе им не будет!

– Неужели вы настолько злопамятны, что будете преследовать, к примеру, повара? – удивилась я. – Мне кажется, это мелко для человека вашего полета...

– Может быть, вам так и кажется, – значительно произнес Беднов. – Но я думаю по-другому. И уверен, в глубине души вы согласны со мной... Что-то не приходилось мне встречать людей, которые по-христиански относятся к врагам... Чаще всего их удерживают обстоятельства, но никак не мораль.

– Ладно, это несущественно, – заметила я. – Но кто мог насолить вам подобным образом? У вас есть какие-то предположения?

Беднов пристально посмотрел на меня, поморщив свой большой лоб, и сказал:

– Предполагать можно до бесконечности, дорогая Юлия Николаевна! Список моих врагов чрезвычайно длинный – я прожил все-таки довольно долгую и активную жизнь. Другое дело, что вообразить кого-то из своих врагов с луком в руках у меня просто не хватает фантазии!

Раздался деликатный стук в дверь, и на пороге появилась миловидная девушка в белом переднике. В руках у нее был серебряный поднос, на котором стояли кофейник, чашки, пирожные и прочее. По знаку Беднова она приблизилась и поставила поднос на стол.

– Спасибо. Ты свободна, – сухо сказал он и протянул руку к кофейнику. – Налить вам, Юлия Николаевна? Или вы предпочитаете распорядиться сами?

– Благодарю вас, – сказал я, – не буду возражать, если вы за мной поухаживаете... Итак, если я правильно вас поняла, вы никого конкретно не подозреваете?

Беднов наполнил мою чашку горячим кофе и церемонно поставил ее передо мной.

– Берите сахар, пирожные, – предложил он. – Зря, кстати, вы отказались от завтрака. Лично я после поездов голоден как волк!.. А подозревать? Правильно вы сказали – конкретно я не подозреваю никого. Хотя есть одно характерное совпадение...

Он тяжелым, но почти неслышным шагом подошел к сейфу, отпер дверцу и достал оттуда аудиокассету. Вставляя ее в магнитофон, он сказал:

– У меня здесь еще стрела, которой был убит Трофим. Но я покажу ее вам попозже, чтобы не портить аппетит... А сейчас послушайте сообщение, которое было на автоответчике в тот роковой день. Я прослушал его перед прогулкой и не придавал значения. Но, кажется, напрасно...

Он нажал на клавишу магнитофона, и сквозь шуршание фона я услышала мужской голос, который произнес: «Беднов?», а после некоторой паузы: «Ладно, Беднов, я только хочу спросить – помнишь ли ты дни золотые?»

– Это все? – уточнила я.

Беднов кивнул.

– Я переписал это на отдельную пленку. Все остальные звонки были по делу и от людей, которых я хорошо знаю. Этот голос я слышал впервые.

– Любопытно, – сказала я, отпив глоток из чашки. Кофе был прекрасный. – Но этот тип вас, похоже, отлично знает. И даже намекает на какие-то совместно проведенные дни, не так ли?

– Повторяю, – сурово отчеканил Беднов. – Голос этот мне абсолютно незнаком. А эти дурацкие дни скорее всего просто намек на известные этому подонку обстоятельства...

– Но вам-то они тоже должны быть известны, – заявила я.

– Вероятно, это так, – согласился Беднов. – Но я затрудняюсь сказать, какие обстоятельства в моей жизни подходят под определение «золотых»...

– Наверное, это дела давно минувшие? – предположила я. – Так обычно говорят о временах своей молодости...

– У меня была совсем не безоблачная молодость, – возразил Беднов. – С ранних лет мне приходилось заботиться о куске хлеба. Мои родители рано умерли...

– Попробуйте сосредоточиться – молодость, вам улыбнулась удача, может быть, любовь, крупный выигрыш, ну, я не знаю...

Мне показалось, что по лицу Беднова скользнула какая-то тень, но он заговорил все тем же спокойным, уверенным тоном:

– В любви мне никогда особенно не везло, красавиц я ни у кого не отбивал – если вы это имеете в виду... Куш на скачках тоже не срывал – складывал свое состояние по кирпичику... нет, мне ничего не приходит в голову такого, из-за чего стоило убивать мою собаку.

– Мне кажется, вашу собаку убили не «из-за», а для того, чтобы вы напрягли память, – заключила я. – Это с одной стороны. А с другой – этот человек хочет показать, что настроен весьма серьезно. Ведь прицелься он чуть повыше, и мы с вами сейчас не разговаривали бы...

Беднов внимательно посмотрел на меня и развел руками.

– Покажите, пожалуйста, стрелу! – попросила я.

Он опять полез в сейф и подал мне стрелу – это был прочный пластмассовый прут около шестидесяти сантиметров длиной с трехгранным стальным наконечником. Наконечник был покрыт засохшим бурым налетом – видимо, это была кровь несчастного Трофима.

– Это не самоделка, – сказала я. – Это стрела от военного арбалета. Серьезная вещь.

– Разве в наше время стреляют из арбалетов? – недоверчиво спросил Беднов.

– По-моему, вы в этом уже убедились, – ответила я. – И, должна вам сказать, что арбалет довольно широко применяется в разведывательных и диверсионных группах. Оружие абсолютно бесшумное и надежное. Кстати, разборный арбалет легко сложить в небольшую сумку – хоть в самолет садись. Отдельные части никак не тянут на оружие.

– Но у меня нет ни одного знакомого диверсанта! – с досадой сказал Беднов.

– Теперь есть, – возразила я. – Больше он вам не звонил?

– Пока нет, – ответил Беднов. – Итак, я рассказал вам все. Вы беретесь за это дело?

– Почему нет? – пожала я плечами. – Это моя работа.

– И что вы собираетесь предпринять? – пытливо спросил Беднов.

– Пока не знаю, – честно ответила я. – Для начала попробую обратиться в комендатуру – нет ли у вас в городе какого-нибудь отпускника-разведчика... или кого-нибудь в этом роде. Вряд ли это любитель.

– Вы так думаете? – с сомнением покачал головой Беднов. – Но я не имел никаких дел с военными...

– Может быть, в то время этот человек не был военным, – резонно предположила я. – Попрошу у вас пленку с записью голоса, не возражаете?

– О, конечно! – Беднов нажал на кнопку и протянул мне кассету. – Может быть, стрела вам тоже понадобится?

– Пожалуй, обойдусь без стрелы, – улыбнувшись, ответила я. – Спасибо за кофе. А теперь я отправлюсь в гостиницу. Ваш шофер предупредил, что вы предложите мне поселиться у вас, но я все-таки предпочту гостиницу. Только дайте мне ваши телефоны, чтобы я всегда могла с вами связаться. А я вам оставляю свой.

Беднов проводил меня до машины и распахнул передо мной дверцу «Мерседеса».

– И все-таки я не понимаю, – с любезной улыбкой сказала я напоследок. – Почему вы, Андрей Борисович, не обратились в милицию?

Его улыбка выглядела кривоватой.

– Полагаю, этот вопрос не имеет прямого отношения к делу, – уклончиво сказал он и добавил: – Желаю вам удачи!

ГЛАВА 4

Я сняла скромный одноместный номер в гостинице «Волга», но расслаиваться там не стала. Справедливо рассудив, что щепетильный Макаров наверняка уже навестил мое начальство, я направилась к генералу.

По пути я снова и снова прокручивала то, что рассказал мне Беднов. То, что мой клиент скрывает от меня что-то важное, было ясно с самого начала. Но меня смущала еще одна деталь – откуда стрелок знал, когда и где ему ждать Беднова с собакой. Судя по всему, они действительно были незнакомы, и привычки незнакомого человека – это какая-никакая, а загадка. Чтобы ее разгадать, требуется время или... человек, который хорошо знает эти привычки. Я склонялась к тому, чтобы принять второй вариант. Я еще накануне проверила в телефонной книге – домашний номер Беднова там не значился. Конечно, узнать номер телефона и время прогулки можно было и обходными путями, но почему-то мне казалось, что эти сведения поступили из одного источника. Нужно будет присмотреться к ближайшему окружению Беднова. Может быть, напрасно я отказалась от проживания в его доме. Правда, учитывая, что работаю я, в сущности, не на него, такое решение было оправдано – так у меня менее связаны руки.

Прежде чем явиться к генералу, я набрала его телефонный номер.

– Слушаю! – произнес бесстрастный знакомый голос.

– Гром, это Багира! – сказала я. Гром – это псевдоним генерала. – Нужно встретиться!

Он не возражал, хотя особенного энтузиазма при этом не выказал. Через десять минут я уже входила в ничем не примечательный серый трехэтажный дом на тихой улочке, располагавшейся неподалеку от центра.

Гром ждал меня. Он был один. Лицо его не выглядело особенно приветливым.

– Ты уже раскрыла это ужасное преступление? – насмешливо поинтересовался он. – Ничем другим не могу объяснить твоё появление здесь.

– Вы сами приказали постоянно держать вас в курсе, – парировала я. – А ещё мне нужен автомобиль – не могу же я передвигаться по городу в своём!

– Почему бы тебе не попросить автомобиль у своего работодателя? – спросил Гром.

– Потому что именно за ним мне и придется следить! – возразила я.

– Ладно, будет тебе автомобиль! – сдался генерал. – Где ты остановилась?

– В гостинице «Волга», восемнадцатый номер на втором этаже... Я хочу передать вам первую информацию. Вот голос, который слышал Беднов по телефону незадолго до происшествия, – я выложила на стол кассету. – Сделайте копию, а эту пленку верните мне. Там немного, всего одна фраза...

– Хорошо, – кивнул генерал, нажимая кнопку на своём столе. – Попробуем сверить с образцами, которые есть в нашем банке данных... Может быть, окажется кто-то из старых знакомых. Что-нибудь ещё узнала?

– Практически ничего, – сказала я. – Беднов молчит как рыба, упирая на плохую память... Хотя память у него более чем... Но в том, что голос на пленке ему не знаком, кажется, не врет. По-моему мнению, голос этот – из прошлого. Именно там нужно искать причину. Собака убита пластиковой арбалетной стрелой – действовал наверняка профессионал. Вполне возможно, нанятый кем-то. Нужно бы встретиться с комендантом гарнизона, может быть, он прояснит вопрос, кто тут у нас такой меткий...

– Хорошо, я сейчас же свяжусь с ним, – кивнул Гром. – Это несложно. Что ещё?

В кабинет без стука вошел среднего роста блондин с невыразительным узким лицом и почтительно замер на пороге. Генерал взял со стола кассету и повелительно сказал:

– Быстренько сделай с этой пленки копии! Две принесешь сюда, а третью отдай ребятам в лабораторию – пусть попробуют идентифицировать голос.

Блондин щелкнул по-военному каблуками, забрал у Грома кассету и вышел. Генерал снова посмотрел на меня.

– Итак, на чем мы остановились? Нанятый профессионал?

– Скорее всего. Подозреваю, что у него есть осведомитель в доме Беднова, но это требует проверки.

– Проверь! – невозмутимо ответил Гром. – Похоже, у тебя все?

– Нет, не все! – упрямо возразила я. – У вас уже был Макаров?

– Ну, допустим, был, – глядя мне в глаза, сказал генерал. – И что из этого?

– Как что? Какую-то информацию он наконец должен нам сообщить?

– Что он должен, ему лучше знать, – назидательно заметил Гром. – И, знаешь, Багира, не трави мне душу! Мне самому не нравится вся эта канитель с секретностью, но правила сейчас устанавливаем не мы. Значит, наверху считают, что так будет лучше.

– Хорошо им там, наверху! – мечтательно заметила я.

– Да, неплохо, – пробурчал Гром. – Но давай больше не будем об этом... Теперь ты ознакомишься с делом. Какие у тебя выводы?

– Не из чего пока делать выводы, – призналась я. – И этот дурацкий звонок, и выстрел могут оказаться мелкой местью удачливому предпринимателю. Теперь мститель вполне удовлетворен и ушел на дно. Так мы никогда его не найдем.

– А если это не мелкая месть? – спросил Гром.

– Тогда, полагаю, стрелок обязательно напомнит о себе, – сказала я неожиданно. – К сожалению, собак у Беднова больше нет.

Занятая второстепенными вопросами, я, действительно, как-то раньше не подумала, как поступит стрелок, если Беднов откажется вспомнить «золотые дни». Но прежде он позвонит, чтобы убедиться в этом. Не сходя с места, я достала сотовый телефон и набрала номер офиса Беднова. Соединили меня сразу.

– Вы что-то узнали, Юлия Николаевна? – услышала я ровный голос Беднова.

– Пока нет, но хочу вас предупредить, что нам понадобится установить у вас аппарат с определителем номера. Я заметила, что...

– Благодарю вас, – сказал Беднов. – Но я уже подумал об этом. Сейчас ребята работают у меня дома. К обеду аппарат будет установлен... Что-нибудь еще?

– Вы ничего не вспомнили, Андрей Борисович? – спросила я, задетая тем, что этот пройдоха и тут обошел меня.

– Увы, Юлия Николаевна! – вздохнул он. – Мои воспоминания – как бы это выразиться – многотомны, и, пока дойдешь до нужного места...

– Но вы, надеюсь, закончили хотя бы первый том? – нетерпеливо спросила я.

– Даже до середины не добрался, – ответил он со смешком. – Но я стараюсь!

– Вы уж постарайтесь! – сказала я и отключила связь.

Появился блондин с кассетами, оставил их и неслышно вышел. Я забрала свою, а генерал прослушал голос неизвестного на портативном магнитофоне, пожал плечами и сказал:

– Отдам Макарову. Возможно, это кто-то из его знакомцев.

– Судя по тому, насколько они оба словоохотливы, они могут оказаться даже близкими друзьями, – заметила я. – Может быть, отсюда и вся секретность?

Гром скупно улыбнулся и погрозил мне пальцем.

– Тебе не кажется, что это не подходящее место для шуток? – ворчливо спросил он. – И вообще, если ты высказалась полностью, то отправляйся-ка в комендатуру! Пока ты прогуляешься туда пешком, я позвоню им, и комендант примет тебя с распростертыми объятиями...

– Я бы предпочла объятия Макарова, – ответила я. – Мне он кажется мужчиной положительным, хотя и загадочным...

Генерал развел руками.

– Ну, этого уж, милая, я не могу тебе устроить! – сказал он осуждающе. – Бери, что дают!

Когда я была уже в дверях, он окликнул меня:

– Ключи от машины оставят тебе у портье, в конверте... Видишь, как я о тебе забочусь?

– Я ценю, – смиренно ответила я и покинула ка – бинет.

До комендатуры было не очень далеко – минут пятнадцать неспешной, прогулочной ходьбы. Именно этот способ передвижения я выбрала. Вокруг сиял летний день, спешить мне было некуда – самое подходящее время для прогулки. По пути я заодно могла еще раз обдумать все невыгоды моего положения. Оба моих работодателя так тщательно хранили секреты, что мне не к чему было подступиться.

На КПП комендатуры у меня тоже возникла заминка. Чрезвычайно строгий сержант, недоверчиво и плотоядно оглядев мою фигуру, начал бубнить что-то о пропуске и пресловутой секретности, для солидности то и дело поправляя ремень с пристегнутым к нему штыком, но я быстро оборвала его, сказав:

– Меня ждет комендант, и, если я через пять минут не попаду к нему, ты с этого теплого местечка живо переместишься на гарнизонную гауптвахту, это я тебе обещаю!

Он сразу же сменил гнев на милость и даже сам вызвался проводить меня к коменданту, по пути разговорившись не на шутку, из чего я поняла, что напускал он на себя важность исключительно от скуки. Мне неожиданно пришла в голову мысль, не те же ли при – чины побуждают хранить таинственное молчание и господина Макарова и не стоит ли попробовать и его припугнуть гарнизонной гауптвахтой, чтобы он развязал язык.

Но мысль эту я додумать не успела, потому что в первом же коридоре комендатуры мы натолкнулись на энергичного поджарого подполковника, который тут же закричал: «Чибирев, что ты тут делаешь? У тебя где пост?!»

Мой сопровождающий мгновенно вытянулся во фрунт и принялся не совсем связно излагать причины, по которым он был вынужден покинуть КПП. Я пришла ему на помощь и объяснила офицеру свое присутствие здесь. Подполковник долго разглядывал меня, а потом, взьерошив пятерней свои жесткие волосы, весело воскликнул:

– Так это же насчет вас звонили! То-то я и смотрю... Пойдемте со мной!

Он быстрым шагом повел меня по коридору, зачем-то объясняя на ходу, где у них что находится. Возможно, он полагал, что я нагрянула с какой-то проверкой. А может быть, просто его неугомонная натура требовала выхода.

Наконец он привел меня в кабинет. На стенах висели выдержки из армейских уставов и плакаты с бравыми молодцами в погонах. Смущенно предложив мне потертый стул, подполковник с интересом уставился на меня и сказал:

– Я вас внимательно слушаю! Правда, не совсем понимаю, чем могу быть полезен, – тут он увлекся, глаза его заблестели, и он принялся расточать дифирамбы своему гарнизону.

Мне вовсе не улыбалось выслушивать хвалебную песнь вверенному ему гарнизону, и я мягко, но настойчиво прервала подполковника:

– Верю, верю вам безоговорочно! Простите, не знаю вашего имени-отчества...

– Пал Палыч! – услужливо подсказал подполковник.

– И, слава богу, Пал Палыч, что в вашем гарнизоне все благополучно. Будем надеяться, что и дальше вы будете высоко держать свое знамя. Меня интересует лишь один небольшой вопрос, на который, как мне кажется, кроме вас, никто не сможет ответить. Причем, отвечая на этот вопрос, вы ни в коем случае не бросите тень на славный гарнизон, прошу мне поверить...

К счастью, не все мужчины столь же непрошибаемы, как господин Макаров. Многие, напротив, воодушевляются, когда молодая женщина задает вопросы, на которые никто, кроме

них, ответить не в состоянии. Вот и мой подполковник расцвел как майская роза и заверил, что ответит на любой мой вопрос.

– Тогда скажите, Пал Палыч, может ли в настоящий момент в городе находиться некий военнотружущий, имеющий недавний опыт разведывательно-диверсионной работы в боевых условиях? Скажем, уволенный в запас или находящийся в отпуске? Человек, по всей видимости, сильный, ловкий и весьма опасный?

Улыбка сползла с лица подполковника. В глазах его появилось напряженное выражение. Он привычным жестом взъерошил непокорные волосы и упавшим голосом произнес:

– Значит, все-таки кто-то бросил тень? Скажите прямо!

– Ничего я вам не скажу! – с улыбкой ответила я. – Потому что ни о чем таком мне не известно. Просто я хочу получить ответ на свой вопрос...

– Так-так, – протянул Пал Палыч задумчиво. – Знаете, я могу вам доложить о тех, кто находится в настоящий момент в отпуске. Что касается уволенных в запас, вам придется обратиться в военкомат. Значит, вас интересуют исключительно армейские разведчики?

– Именно так, – подтвердила я. – Владеющие нестандартными видами вооружения.

– Я все для вас сделаю! – вновь оживляясь, заверил подполковник. – Посмотрю в наших документах и свяжусь с военкомом, он мой приятель. Займет это час-два. Вы подождете здесь? Или погуляете пока?

– Здесь у вас очень уютно, – сказала я. – Но я все-таки погуляю. У меня есть еще кое-какие дела...

– Ну, и отлично! – подытожил Пал Палыч, вставая. – Значит, часика через два прямо ко мне, и я доложу вам полную картину!

– Договорились! – сказала я и, пожав ему руку, отправилась по своим делам.

Для очистки совести я навестила Дворец спорта и разыскала там тренера, который занимался лучниками. Им оказался низкорослый крепыш с круглой, короткостриженной головой и маленькими подозрительными глазками. Это меня немного разочаровало – мне казалось, что те, кто стреляет из лука, должны быть непременно стройными, высокими и златокудрыми. Этому же малышу больше пошла бы рогатка из авиационной резины.

Я представилась частным детективом и показала даже удостоверение, заглянув в которое коротышка скептически хмыкнул – наверное, сыщики в его представлении выглядели тоже как-то иначе. Тем не менее на вопросы мои он ответил терпеливо и обстоятельно, категорически заявив, что никто из его спортсменов не пойдет на улицу стрелять собак. Кроме того, выяснилось, что в распоряжении спортклуба не имеется арбалетов. Тренер объяснил, что не так давно арбалеты появились в продаже – в оружейном магазине, и посоветовал обратиться туда.

Я воспользовалась этим советом и навестила оружейный магазин. Там действительно имелись арбалеты, но настолько громоздкие и неудобные, что скорее могли быть для владельца обузой, чем оружием. Кроме того, как мне объяснил продавец, с момента поступления в магазин не было продано ни одного арбалета.

Покончив с магазином, я заглянула в гостиницу и получила от портье конверт, в котором лежали ключи от автомобиля и бумажка с номером машины и указанием, где она припаркована. Это была соседняя улица.

Я отправилась туда и нашла красные «Жигули», которые выглядели совсем неплохо на первый взгляд. Впрочем, и внутри все оказалось в порядке – мотор работал как часы.

Время, указанное комендантом, уже вышло, и поэтому я немедленно поехала к нему. Сержант Чибирев, увидев меня с КПП на «Жигулях», был сражен. На этот раз он встретил меня очень почтительно и пропустил без разговоров. Пал Палыча я нашла самостоятельно – на плацу, где он давал указания каким-то бедолагам в солдатской робе, которые делали белой краской разметку на асфальте.

– Может быть, я не вовремя, Пал Палыч? – поинтересовалась я, подходя ближе.

Подполковник обернулся и энергично закивал головой.

– В самый раз, Юлия Николаевна, в самый раз! – проговорил он, подхватывая меня под руку. – Все как обещал! Проверили, знаете ли, списки и кое-что для вас нашли. Сразу скажу, нашли немного. Тот контингент, что вас интересует, невелик, и большинство сейчас находится в зоне военных действий. В городе всего трое... Пойдемте в кабинет, я выписал для вас адреса...

Когда я ознакомилась с его выпиской, оказалось, что полезной информации действительно немного. Один из разведчиков находился на инвалидности в связи с потерей правой ноги, второй уже много недель лежал в госпитале, и ему недавно была сделана полостная операция. Оставался лишь один – сержант Дудников, который недавно демобилизовался, – он был жив и здоров. Запомнив его адрес – парень жил на проспекте Строителей, – я тепло распрощалась с подполковником.

– Если опять что-либо понадобится, – со значением сказал он, – обращайтесь прямо ко мне, без церемоний!

Пообещав, что церемониться не буду, я ушла из комендатуры и, сев в машину, поехала на проспект Строителей. Уже по дороге я решила, что вряд ли эта поездка будет удачной. Сержанту Дудникову было двадцать два года, и очень сомнительно, что лично ему приходилось делить воспоминания с Бедновым, который годился ему в отцы. Оставалась вероятность, что сержанта кто-то нанял, но это тоже казалось сомнительным – парень всего два месяца как демобилизовался. Обычно эти месяцы дембеля проводят в загуле и психологически не готовы к каким-то серьезным затеям. Хотя нет правил без исключений – возможно, Дудников предпочитал не пьянствовать, а делать деньги.

Я остановила машину возле девятиэтажного дома и осмотрелась. Около нужного мне подъезда стояло несколько машин и вертелась группа возбужденных молодых людей. Все они были празднично одеты, слегка навеселе и разговаривали громкими голосами. У меня возникло впечатление, что здесь идут приготовления к свадьбе. «Только этого еще не хватало, – подумала я, – чтобы Дудников собрался жениться именно в тот момент, когда мне надо его расспросить». Ситуация получалась крайне неприятная. Мне и самой бы не понравилось, если бы в день моего бракосочетания меня вдруг обвинили в убийстве, пусть даже и собаки.

Я поднялась на пятый этаж и убедилась, что предчувствия меня не обманули. Дверь в квартиру Дудникова была распахнута настежь – оттуда слышался веселый говор и смех. То и дело какие-то люди выскакивали на лестничную площадку, стучались к соседям, вызывали лифт, курили и вообще занимались праздничной суетой. Не задавая никаких вопросов, я вошла в открытую дверь и попыталась найти Дудникова самостоятельно.

Однако квартира была так набита народом и заставлена столами с закуской, что я почти не могла двигаться. Вдобавок меня чуть не заставили резать овощи для салата. Мне удалось улизнуть и протолкаться в соседнюю комнату. Там тоже стоял дым коромыслом, и, поймав первого попавшегося под руку человека, спросила, где найти Алексея Дудникова. Мне указали пальцем на балкон, где курили несколько парней. Я выбралась на балкон в тот момент, когда они уже собрались оттуда уходить. По счастливо-глуповатому выражению лица я угадала жениха и решительно ухватила его за рукав.

– Вы – Алексей Дудников?

Он растерянно посмотрел на меня и кивнул. Парни вокруг засмеялись и начали отпускать остроты.

– Мне нужно с вами поговорить наедине, – заявила я.

– О, Леха, смотри, как бы тебя Ленка не застучала! – завопил кто-то из приятелей.

Дудников посмотрел сквозь меня отсутствующими глазами и улыбнулся. Он был высок, мускулист и слегка рыжеват. На загорелом лице возле угла губ белел небольшой шрам.

– Я из милиции! – сердито сказала я. – Пошли на балкон, он как раз освободился.

Дудников не стал спорить и покорно вернулся на балкон. Я прикрыла дверь и в упор посмотрела ему в глаза.

– Меня интересует, где вы были позавчера вечером между девятью и десятью часами? – строго спросила я.

По лицу Дудникова скользнуло выражение беспокойства. Он подозрительно уставился на меня. Неужели он, мелькнуло у меня в голове, – мне очень не хотелось, чтобы этот симпатичный, счастливый парень оказался убийцей собаки.

– А в чем дело, собственно? – проговорил Дудников, нервно оглядываясь на дверь. – Я вроде законов никаких не нарушал. При чем тут милиция?

При первых же звуках его голоса стало ясно, что Беднову звонил не он. У меня отлегло от сердца, и все-таки я задала следующий вопрос:

– В армии вы служили в разведке?

– Да, в полковой, – настороженно ответил он. – Последние полгода... А при чем тут это?

Пропустив его вопрос мимо ушей, я продолжала:

– Боевым арбалетом пользоваться приходилось?

На лице Дудникова отразилось уже полное недоумение. Он сделался серьезным и сказал:

– Ни разу! Знаю, ребята шустро там с арбале – тами – говорят, некоторые со ста метров в воробья попадали... Но сам я не видел, у нас в части этого не было...

Похоже, он говорил чистую правду. Но, припомнив выражение беспокойства на его лице в первую минуту, я повторила:

– И все-таки вы не ответили на мой вопрос, где были позавчера вечером?

– Так я это... – Он слегка покраснел и понизил голос. – Как водится... Ну, в общем, мальчишник у нас был, понимаете? С холостой жизнью прощался...

– Ну, теперь-то, вижу, простился?

– Все! Окольцевали! – со смущенной улыбкой сказал он. – Так, а вы чего приходили, я не понял?

– Ищу человека, который умеет управляться с арбалетом, – ответила я. – Ты случайно таких не знаешь?

Он покачал головой с видимым облегчением.

– Не-а, не знаю! Если насчет огнестрельного, то тут я многих ребят знаю...

– Огнестрельных-то я и сама многих знаю! – прервала я его. – Ну, ладно, прощай, счастливой тебе семейной жизни! – И, уже открывая балконную дверь, небрежно спросила: – Да, кстати! Ты знаешь человека по фамилии Беднов?

На лице Дудникова ничего не отразилось. Он задумался, а потом неуверенно сказал:

– Вроде в третьем батальоне прапор такой был – Беднов... Но точно не знаю...

– Ну и хорошо, что не знаешь! – заключила я.

ГЛАВА 5

От Дудникова я поехала обедать. В конце концов, секретные агенты тоже имеют право на обеденный перерыв. Тем более такие, которые оказались у разбитого корыта в самом начале своих поисков. В нашем городе миллион жителей, и наверняка среди них найдется умелец, который изготовил или раздобыл арбалет, не поставив об этом в известность официальные органы. Найти его практически невозможно, если он сам не даст о себе знать.

На всякий случай после обеда я созвонилась с Бедновым, чтобы убедиться, что этого еще не произошло. Кажется, он был слегка раздосадован моим звонком, но старался сдерживаться.

– Будьте уверены, – сказал он. – Я помню ваш номер телефона и сообщу вам сразу, если появится что-то новенькое. Нет никакой необходимости беспокоить меня каждую минуту...

Я его беспокою! А, между прочим, мы с ним еще даже не обговорили условия оплаты. С моей стороны это не очень разумно – обычно такие вещи решаются в первую очередь. После обеда я заперлась в гостиничном номере и состряпала письменный отчет о проделанной мною работе – туда вошел также и счет за «прокат» машины, за обед, а заодно и за предстоящий ужин.

Мой телефон молчал. Обо мне все забыли, и я решила хорошенько выспаться, чтобы компенсировать неудобную ночь на вокзале в Зацепинской. Я будто предчувствовала, что следующая ночь тоже выдастся беспокойной.

Проснувшись я, когда уже начинались ранние сумерки. Спустившись в ресторан, я поужинала, а потом отправилась бродить по городу. Мне редко выпадает возможность просто погулять по улицам. Поэтому вечерняя бесцельная прогулка по расцвеченному огнями проспекту показалась мне необыкновенно прекрасной – как в детстве, когда у человека нет насущных забот и он предоставлен самому себе. В каком-то отношении эта прогулка была даже лучше, потому что в детстве всегда приходилось клянчить у родителей деньги – на кино, на мороженое – и далеко не всегда тебе их давали. Зато теперь я могла себе позволить часами сидеть в кинотеатре или съесть хоть килограмм мороженого. Но я этого не хотела. А хотела я в этот тихий летний вечер одного – узнать фамилию человека, застрелившего собаку. Тогда мне не пришлось бы в собственном городе ночевать в гостиницах, изображая из себя приезжую.

Постепенно я добрела до того переулочка, где обитал Беднов, чтобы присмотреться к обстановке. Вполне могло оказаться и так, что злоумышленник живет где-то поблизости и имеет возможность постоянно наблюдать за хозяином особняка.

Беднов не зря выбрал это место для проживания – район располагался очень близко от центра города, но по праву мог считаться тихим. В округе почти сплошь стояли старинные домики в один-два этажа, с маленькими дворишками и деревянными воротами. Только с одной стороны почти вплотную к забору Беднова выходила глухая стена кирпичной пятиэтажки. Район был не слишком хорошо освещен, зато щедро озеленен, и при необходимости здесь легко было затеряться среди теней и заборов.

Пока я присматривалась к обстановке, в переулочке появился черный «Мерседес» и, остановившись перед железными воротами, повелительно прогудел три раза. Его пропустили во двор, и ворота снова закрылись. По-видимому, Беднов вернулся домой с работы.

Я не торопилась уходить, рассчитывая, что первым делом он проверит автоответчик и что-нибудь там обнаружит. Но минута шла за минутой, а мой телефон по-прежнему молчал. Во мне никто не нуждался.

Прождав около получаса, я уже собиралась уходить, как вдруг снова загремели, открываясь, ворота, и на тротуаре появилась энергичная женская фигурка. По гордой осанке и платиновым волосам я без труда угадала в ней Ангелину Ивановну. Выпрямив спину и почти не

размахивая руками, она направилась по переулку к проспекту. В руках у нее был полиэтиленовый пакет.

Она несомненно трудилась не за страх, а за совесть – на часах уже была половина десятого. Вероятно, она очень устала и торопилась домой, в свою симпатичную квартирку на набережной. Несмотря на это, я решила побеседовать с ней сейчас. А может быть, именно поэтому – усталому человеку гораздо труднее врать, чем отдохнувшему.

Я догнала Ангелину Ивановну уже за углом и окликнула по имени. Она остановилась, резко развернулась и недоверчиво всмотрелась в мою фигуру.

– Добрый вечер, Ангелина Ивановна! – с улыбкой сказала я. – Вы меня не узнали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.